

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. А. Гордей

ПАРАДИГМА МОДУСНЫХ ЁГЕНОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В комбинаторной семантике для обозначения группы слов, называющих признаки, уточняемые другими словами, но не уточняющие других слов, используется термин *модальные ёгены*. В составе их парадигмы выделяется модусная подгруппа, которая и анализируется в настоящей статье на материале корпуса текстов китайского языка Пекинского университета.

Слова *мочь, быть в состоянии, должно, следует, достаточно, хотеть* и др., значения которых чаще всего конкретизируются словами с процессуальной семантикой (*следует читать, достаточно посмотреть, хотеть пить* и т.д.), в грамматиках разных языков обозначаются по-разному. В европейском языкознании наиболее распространен термин *модальный глагол*. В английских словарях, например, под ним понимается вспомогательный глагол (*auxiliary verb*), который используется с основным глаголом с целью выражения дополнительных смыслов, таких как «возможность»/«необходимость», поскольку этот смысл не представлен основным глаголом предложения. К модальным глаголам в английском языке относят *can, could, may, might, must, ought, will, shall, may* [1, p. 910; 2, p. 1 128].

В русской грамматике ученые придерживаются разных мнений по поводу модальных слов.

Одним из первых о них заговорил А. Х. Востоков, обративший внимание на то, что у кратких прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени, а также у слов типа *можно, жаль, нельзя, лень* имеются некоторые черты глагола: время, значение безличности, поэтому ученый не стал выделять их в отдельную группу, а отнес к безличным глаголам [3, с. 85].

Российский языковед Л. В. Щерба считал, что в русском языке есть ряд слов, подведение которых под какую-либо категорию затруднительно (например, слова *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и др.). Он предложил включить их в особую «катеорию состояния», к которой заодно отнести слова типа *холодно, светло, весело*: «Может быть, мы имеем дело здесь с особой категорией состояния... Формальными признаками этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой – с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым – от наречий. Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке» [4, с. 90]. Несмотря на сомнения, Л. В. Щерба продолжил раздвигать границы данной категории, добавив в нее ряд слов, используемых в личных конструкциях (*я готов, я должен, я рад, я способен, я болен, я намерен*), и нивелируя тем самым признаки данной категории, о которых писал выше: «Наконец, под категорию состояния

следует подвести такие слова и выражения, как *быть навеселе, наготове, настороже, замужем, в состоянии, на чеку, без памяти, без чувств, в стуртуке* и т.п. Во всех этих случаях *быть* является связкой... поэтому слова *навеселе, наготове* и т.д. едва ли могут считаться наречиями. Они все же выражают состояние» [4, с. 91].

Идея Л. В. Щербы получила развитие в трудах российских ученых. И. И. Мещанинов в этой категории слов выделил две группы: безлично-предикативные формы и нечленные прилагательные и причастия, а В. В. Виноградов поставил категорию состояния в один ряд с другими частями речи: «под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют форму времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого... Слова, относящиеся к категории состояния, выражают “недейственное” состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и т.п.). Так как формы времени и категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы: *я был рад и буду рад (будешь рад* и т.п.) – являются чистыми формами времени и наклонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений» [5, с. 401].

А. В. Исаченко также признавал наличие в русском языке особого грамматического класса слов, однако термин «категория состояния» ученого не удовлетворял из-за его многозначности. Содержание термина «...исходит прежде всего из семантического признака данного ряда слов, причем слова типа *можно, надо, нельзя*, а также такие слова, как *пора*, только с известной натяжкой подводятся под общее значение “состояние”» [6, с. 279]. Он назвал данную группу слов предикативами, где выделил модальные предикативы (*надо, можно, нельзя, должен, намерен*), местоименные предикативы (*ничего, некогда*), «предикативы, восходящие к именам существительным типа *пора, жаль*» (*лень, охота*), предикативы «состояния» окружающей среды (*здесь холодно, солнечно*), выражающие физическое ощущение или душевное состояние (*мне тепло, холодно*) и другие группы [6, с. 283–292].

Проблема принадлежности слов *мочь, быть в состоянии, должно, следует, достаточно, хотеть* к определенной части речи восходит к проблеме определения самих частей речи. Какие категории лежат в основе выделения частей речи? Морфологические, синтаксические, лексические? А может морфологические и синтаксические? Или лексические и синтаксические? Так, А. А. Шахматов, отвергнув морфологические признаки, пытался дать синтаксическую характеристику частей речи, но, не удовлетворившись этим, указал на семасиологическое основание выделения частей речи и пришел к выводу, что определение частей речи зависит от наших представлений [7, с. 420–434]. А. М. Пешковского тоже не устраивали одни лишь морфологические признаки, он считал необходимым положить в основу классификации

слов по частям речи характер сочетаемости слов с другими словами в словосочетании. Тем не менее, как отмечает А. Б. Шапиро, при анализе глагола и прилагательного этот признак остается у А. М. Пешковского декларативным. Ученый объясняет это тем, что формальные признаки глагола и прилагательного достаточно выразительны, чтобы на их основе установить принадлежность к соответствующей части речи. Далее А. Б. Шапиро делает вывод, что привлечение синтаксического признака понадобилось А. М. Пешковскому только для анализа существительного и только потому, что в составе этой части речи есть слова, не имеющие формы [8, с. 44].

Таким образом, в русской лингвистической литературе ученые не пришли к единому мнению по вопросу о принадлежности слов типа *могу, хочу, желаю* и т.д. к определенной части речи. Одни относят их к глаголам (например, А. Х. Востоков), другие – к предикативам (А. В. Исаченко), третьи – к отдельной части речи «категории состояния» (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.).

В литературе по грамматике китайского языка современные китайские и европейские ученые (например, Чжан Синюй, Люй Юэхуа, О. М. Готлиб, В. И. Горелов, А. А. Драгунов, С. Е. Яхонтов) по аналогии с европейской лингвистической традицией слова *мочь, быть в состоянии, должно, следует, достаточно, хотеть* называют «модальными глаголами» (能源动词 *néngyuán dòngcí*) [9; 10; 11; 12; 13; 14]. В учебных и научных материалах по грамматике китайского языка нам не удалось найти четкого определения термина *модальный глагол*. Обычно даются подобные описания: модальные глаголы часто употребляются перед глаголами или прилагательными и обозначают «желание», «необходимость», «возможность» и т.п. Иногда они могут выступать в качестве сказуемого. Люй Юэхуа говорит, что модальные глаголы – это отдельная группа глаголов с разнородными значениями и грамматическими характеристиками, отличными от обычных глаголов [10, с. 170]. Китайские и европейские грамматисты, основываясь на различиях в семантике, выделяют а) модальные глаголы, выражающие желание: 愿意 [yuànyì] ‘желать’, 乐意 [lèyì] ‘приходиться по душе’, 情愿 [qíngyuàn] ‘охотно согласиться’, 肯 [kěn] ‘соглашаться’, 要 [yào] ‘желать, собираться’, 敢 [gǎn] ‘смечь’, 乐于 [lèyú] ‘охотно, с радостью’; б) модальные глаголы, выражающие возможность: 能 [néng] ‘мочь’, 能够 [nénggòu] ‘мочь, быть в состоянии’, 会 [huì] ‘уметь; мочь’, 可能 [kěnéng] ‘можно, возможно’, 可以 [kěyì] ‘можно’, 得以 [déyǐ] ‘получить возможность’; в) модальные глаголы, выражающие необходимость: 应该 [yīnggāi] ‘быть должным’, 得 [dé/děi], 该 [gāi], 犯不着 [fàn buzhuó] ‘не нужно, не стоит’, 理当 [lǐdāng] ‘следует, надлежит’; г) модальные глаголы, выражающие оценку: 值得 [zhídé, zhíde] ‘быть достойным’, 便于 [biànyú] ‘быть благоприятным’, 难于 [nányú] ‘трудно’, 难以 [nányǐ] ‘трудно, невозможно’, 易于 [yìyú] ‘легко’. Некоторые китайские исследователи называют слова, обладающие модальным значением, «вспомогательными глаголами» (助动词 *zhùdòngcí*). Например, в клас-

сификации известного китайского грамматиста XX в. профессора Ли Цзиньси модальные глаголы включены вместе с глагольными суффиксами и некоторыми другими значимыми и служебными морфемами в группу «вспомогательных глаголов» [14, с. 67].

Как пишет С. Е. Яхонтов, «некоторые современные китайские лингвисты причисляют модальные глаголы к наречиям (хотя и выделяют их среди наречий в одну или две особые группы). Модальные глаголы сближает с наречиями то, что и те и другие занимают в предложении одинаковое место; но между этими группами слов существует и ряд различий. Например, «модальный глагол может иметь при себе определение, выраженное наречием степени (很 ‘очень’, 最 ‘в высшей’ степени и т.п.): ...很想 ‘очень хотеть’...» [14, с. 66]. Наречие, в отличие от модального глагола, никаких определений принимать не может. «Модальный глагол может повторяться с отрицанием, образуя альтернативный вопрос: 能不能? ‘можешь или не можешь?’. Наречия никогда не образуют подобных конструкций. Поэтому модальные глаголы нельзя относить к наречиям» [14, с. 67].

С синтаксической точки зрения А. А. Драгунов рассматривает глагол, которым управляет модальный глагол, как дополнение к последнему, выраженное инфинитивом, т.е. как отдельный член предложения. С. Е. Яхонтов в «Категории глагола в китайском языке» отмечает, что каждый модальный глагол имеет собственное лексическое значение, а значит, не является служебным словом в полном смысле этого слова. В подтверждение вышесказанного ученый говорит о том, что модальные глаголы обладают определенной синтаксической самостоятельностью, в отличие от настоящих служебных элементов. По мнению ученого, «правильнее было бы говорить, что глагол, сочетающийся с модальным глаголом, представляет собой часть сложного сказуемого, другой частью которого является модальный глагол, т.е. такое предложение, как 我该走了 “Я должен идти”, состоит не из подлежащего, сказуемого и дополнения, а из подлежащего 我 “я” и сложного сказуемого 该走 “должен идти”» [14, с. 65–67].

В комбинаторной семантике, оперирующей теорией частей языка [15, с. 34–35], для обозначения группы слов, называющих признаки, уточняемые другими словами, но не уточняющие других слов, используется термин *модальные ёгены*.

Тайген – часть языка, которая обозначает индивид; *ёген* – часть языка, обозначающая признак индивида [16, с. 23–24]. При этом важным различительным признаком ёгенов является степень. «Ёгены **первой степени** обозначают признак индивида *желтый, сжимать*, ёгены **второй** – признак признака *темный* → *темно-коричневый*, *быстро* → *быстро бежать*, **третьей** – признак признака признака (*ультра* → *ультра темно-коричневый*, *очень быстро бежать*). Вторая и третья степень у ёгенов бывает положительной или отрицательной. Ёгены **второй и третьей положительной степени** уточняют значения ёгенов первой положительной степени *ультра темно-коричневый*, *очень быстро бежать*, а ёгены первой отрицательной

степени – значения ёгенов **второй и третьей отрицательной степени** *очень рад видеть, очень любить бегать*. Знак третьей степени у ёгенов определяется синтагматически: если ёген третьей степени относится к ёгену второй положительной степени *очень быстро бежать*, то он имеет положительный знак, если – к ёгену второй отрицательной *очень любить читать*, то – отрицательный» [16, с. 23–24].

Модальные ёгены – это постоянные и переменные ёгены второй отрицательной степени [16, с. 23–24].

Если опираться на данное определение, то кроме ёгенов, выражающих понятия *мочь, быть в состоянии, должно, следует, достаточно, хотеть* и т.д., в эту группу также входят ёгены со значением *упражняться, тренироваться, готовиться, начинать, продолжать, заканчивать* и т.д. Модальные ёгены сочетаются с ёгенами первой степени: *любить читать, тренироваться писать* [17].

Среди модальных ёгенов мы выделяем группу знаков, которая дополнительно сочетается с ёгенами третьей отрицательной степени. Назовем ее *модусной* и приведем примеры употребления, взятые из корпуса текстов Пекинского университета [18].

Мы выделяем 4 вида модусных ёгенов.

1. Санкционирование со стороны старшего субъекта осуществления акции (процесса) младшим субъектом. В эту группу входят а) модусные ёгены прямой санкции (прямого разрешения) – 可以 [kěyǐ], 行 [xíng]; например: 这消息很**可以**给人以鼓舞、给人以信心、给人以启示。 [Zhè xiāoxī hěn kěyǐ jǐ rén yǐ gǔwǔ, jǐ rén yǐ xìnxīn, jǐ rén yǐ qǐshì]. *Эта новость достойна того, чтобы поднять дух народа, воодушевить и дать ему уверенность в себе; 爸爸, 你真行!* [Bàba, nǐ zhēnxíng!] *Папа, ну ты и умелец!*; б) модусные ёгены косвенной санкции (отсутствия прямого запрещения) – 可能 [kěnéng], например: 但道德发展还**可能**停留在较低的道德发展阶段。 [Dàn dàodé fāzhǎn hái kěnéng tíngliú zài jiàodī de dàodé fāzhǎn jiēduàn]. *Но развитие нравственности еще может оставаться на довольно низком уровне.*

2. Способность младшего субъекта осуществить акцию, санкционированную старшим субъектом. К этой подгруппе относятся модусные ёгены, обозначающие а) физическую возможность осуществить как физическую, так и информационную акцию – 能 [néng], например: 几件事很**能**说明问题。 [Jǐ jiàn shì hěn néng shuōmíng wèntí]. *Есть несколько моментов, которые могут разъяснить вопросы;* б) информационную возможность осуществить как информационную, так и физическую акцию – 会 [huì]: 你真**会**说话。 [Nǐ zhēn huì shuōhuà]. *Ты мастер говорить.*

3. Наличие стимулов у младшего субъекта осуществить акцию. Сюда входят модусные ёгены, обозначающие а) внешние стимулы – 应该 [yīnggāi], 得 [dé/děi], 要 [yào] например: 我本人是回族的, 我们都是中国人, 为同胞做点事很**应该**。 [Wǒ běnrén shì huízú de, wǒmen dōu shì zhōngguó rén, wèi tóngbāo zuò diǎn shì hěn yīnggāi]. *Сам я дунганец, но все*

мы китайцы, и это стоит того, чтобы для соотечественника сделать какую-нибудь мелочь; 他准得来。[Tā zhǔn dé lái]. Он непременно должен прийти; 他一定要来。[Tā yīdìng yào lái]. Ему обязательно нужно прийти; б) внутренние стимулы – 想 [xiǎng], 爱 [ài], 喜欢 [xǐhuan]. Примеры: 她也非常想去。[Tā yě fēicháng xiǎng qù]. Она тоже очень хочет пойти; 每个人都爱他自己的孩子。[Měi gè rén dōu ài tā zìjǐ de hái zi]. Каждый человек любит своих детей; 阿古, 这些人跟着我们已经很久了, 我恨不喜欢。[Āgǔ, zhèxiē rén gēnzhe wǒmen yǐjīng hěnjiǔle, wǒ hèn bù xǐhuān]. Агу, мне очень не нравится, что эти люди уже давно идут за нами.

4. Намерение младшего субъекта осуществить акцию, а) санкционированную старшим субъектом – 肯 [kěn], например: 老赵是很肯花钱收买的。[Lǎo zhào shì hěn kěn huā qián shōumǎi de]. Лао Чжао с большой радостью тратил деньги на покупки; б) несанкционированную старшим субъектом – 敢 [gǎn], например: 这连黑格尔也不敢说的话, 让他说出来了。[Zhè lián hēi gé ěr yě bù gǎn shuō de huà, ràng tā shuō chū lái le]. Это позволило ему произнести слова, которые даже Гегель не осмелился сказать.

Из приведенных примеров видно, что модальные ёгены каждой группы могут сочетается с ёгенами третьей отрицательной степени 很, 真, 正, 可以 и т.д.: 很可以, 真会, 非常想, 很能. Полагаем, что такая комбинаторика может быть диагностической процедурой выделения модальных ёгенов.

Мы рассмотрели различные взгляды ученых на слова с модальным значением или с модальным оттенком в значении (мочь, надо, должно, следует и т.д.), которые в европейском языкознании традиционно называют модальными глаголами, составляющими в английском языке закрытый перечень (can, could, may, might, must, ought, will, shall, may). В научной литературе по грамматике русского языка до сих пор не выработан единый подход к их парадигматической квалификации. Одни ученые считают эти слова глаголами, другие – краткими прилагательными, третьи говорят об особой «категории состояния» как отдельной части речи. В китайском языке некоторые исследователи причисляют данную разновидность слов к модальным глаголам (能源动词 néngyuán dòngcí), а некоторые – к наречиям.

В комбинаторной семантике подобные слова получили название *модальные ёгены*. В нашем исследовании мы развили парадигму модальных ёгенов путем выделения в ней модальной группы. Дальнейшее изучение модальных ёгенов в китайском языке будет осуществляться сквозь призму их уточненной семантической категориальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge International Dictionary of English with CD-ROM / ed. by P. Procter. – Cambridge Univ. Press, 2001. – 1 792 p.
2. Oxford Dictionary of English / ed. by C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2003. – 1 112 p.

3. *Востоков, А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его Сокращенной грамматики, полнее изложенная / А. Х. Востоков. – Изд. 7-е, испр. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1848. – 320 с.; 4 л. табл.
4. *Щерба, Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 428 с.; 1 л. порт.
5. *Виноградов, В. В.* Русский язык / В. В. Виноградов. – Л.; М. : Учпедгиз, Тип. Печат. двор в Лгр, 1947. – 784 с.
6. *Исаченко, А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким / А. В. Исаченко. – 2-е изд. – М. : Языки слав. культуры: Кошелев, 2003. – 570 с.
7. *Шахматов, А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 620 с.
8. *Шапиро, А. Б.* Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? / А. Б. Шапиро // *Вопр. языкознания.* – 1952. – С. 44–54.
9. *Чжан, Синюй.* Краткая грамматика китайского языка / Чжан Синюй, Цзян Цюнь, Чжао Лицзюнь. – Минск : БГУ, 2014. – 175 с.
10. 刘月华等。 使用现代汉语语法。 北京：商务印书馆，2004。 — 1005页 (Практическая грамматика современного китайского языка / Люй Юэхуа [и др.]. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2004. – 1 005 с.)
11. *Готлиб, О. М.* Практическая грамматика китайского языка / О. М. Готлиб. – М. : Муравей, 2002. – 297 с.
12. *Горелов, В. И.* Теоретическая грамматика китайского языка / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1989. – 317 с.
13. *Драгунов, А. А.* Грамматическая система современного китайского языка / А. А. Драгунов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 270 с.
14. *Яхонтов, С. Е.* Категория глагола в китайском языке / С. Е. Яхонтов. – Л. : Ленингр. ун-т, 1957. – 181 с.
15. *Гордей, А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // *Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.].* – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
16. *Гордей, А. Н.* Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // *Вторые чтения, посвящ. памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г.* – Минск : Издат. центр БГУ, 2008. – С. 19–25.
17. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
18. 北大语料库 = Корпус текстов Пекинского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir/=xiandai. – Дата доступа : 20.09.2018.

The term *Modal Yogen* is used in combinatory semantics to denote a group of words designating features refined in other words. The modus subgroup is highlighted as a part of modal yogen's paradigm and analyzed in the article with the examples from the corpus of Chinese language texts collected by Beijing University.

Поступила в редакцию 04.03.2019